

КАМНИ ЭРДАНА

A hand holds a dark, smooth stone that glows with intricate, swirling patterns of white and gold light. From the top of the stone, dark, wispy smoke or energy rises into the air, illuminated from within. The background is a dark, atmospheric scene with a silhouette of a castle or fortress on a hill under a twilight sky.

КАМЕНЬ ТЕНИ

18+

ФЁДОР ВЕТРОВ

Фёдор Ветров

Камень тени

<https://litres.ru/74663277>

SelfPub; 2026

Аннотация

Суббота, речка, шашлыки, хенкал в казане и любимая настолка про подземелья и драконов. Шестеро друзей, которых жизнь давно разнесла по автосервисам, офисам и бухгалтериям, собираются, как всегда, вместе. Лысый слесарь Стас по прозвищу Кучерявый находит на дне реки тёплый камень, который будто зовёт его, кладёт его на игровой стол и в шутку произносит заклинание.

Заклинание засчитано.

Друзья очнулись в чужом мире в телах своих персонажей: маг теней, голиаф-берсерк, тёмная эльфийка, друид, целительница и некромант. Магия здесь работает не по правилам, гоблины бьют больно, а камень в посохе Стаса умеет забирать силу убитых врагов. Чтобы вернуться домой, придётся узнать, чей это камень и кто подобрал его в их речку.

Содержание

Глава 1 КАМЕНЬ, КОТОРЫЙ ЗВАЛ	4
Глава 2 С корабля на бал, с бала в кусты	34
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Фёдор Ветров

Камень тени

Глава 1 КАМЕНЬ, КОТОРЫЙ ЗВАЛ

Говорят, настоящие приключения начинаются с карты сокровищ.

Врут. Настоящие приключения начинаются со слов «да ладно, что может случиться?».

Всё началось, как водится, в пятницу.

По пятницам они собирались у Стаса в гараже. Традиция эта насчитывала уже лет двенадцать и пережила всё: две смены власти во дворе гаражного кооператива, три Стасовы машины, свадьбу Магиного двоюродного брата, на которой гуляли неделю, и даже попытку Ольги «завязать с этой детской ерундой». Попытка продержалась ровно одну пятницу. Во вторую Ольга пришла первой, села на своё место и сказала: «Ну? Чего стоим? Кидайте кубики».

Гараж у Стаса был не просто гаражом. Это было государство в государстве. Верстак вдоль стены, на верстаке тиски, над тисками полка с инструментом, разложенным так ровно, как не раскладывают ножи в операционной. В углу стоял

старенький диван, который Стас лет восемь назад подобрал у мусорки и с тех пор называл антиквариатом. Посередине, под лампой в железном абажуре, стоял стол. Большой, круглый, сколоченный самим Стасом из старой двери и четырёх ножек от школьных парт. Стол был исцарапан, прожжён сигаретами Паштета, залит чаем, пивом и однажды, в особо удачный вечер, кетчупом. За этим столом за двенадцать лет погибло, по подсчётам Олега, двести сорок семь героев, было убито девятнадцать драконов и съедено столько пиццы, что ею можно было бы вымостить дорогу до областного центра.

Хозяином гаража, стола и, в некотором смысле, всей компании был Стас.

Стасу было тридцать два года, и последние двенадцать из них он был лысым. Облысел он лет в двадцать, окончательно и бесповоротно, после чего друзья, отнесясь к трагедии с пониманием и сочувствием, немедленно прозвали его Кучерявым. Сам Стас кличку со временем даже полюбил: в ней чувствовалась здоровая доля здорового же идиотизма, а он это качество в людях ценил.

Работал Стас слесарем в автосервисе на окраине города. Работу свою он любил той редкой любовью, какой любят только то, что умеют делать лучше всех. Он мог по звуку мотора сказать, что у машины болит. Мог перебрать коробку передач с закрытыми глазами. Мог неделю возиться с каким-нибудь безнадёжным старьём, от которого отказались все остальные, а потом выгнать его из бокса своим ходом и

стоять, вытирая руки ветошью, с таким лицом, будто только что принял роды. Начальник сервиса за это его ценил, клиенты обожали, а коллеги считали слегка сумасшедшим. Потому что так любить свою работу, по их общему мнению, может только псих. К тому же Стас за работой пел. Всегда. И не всегда попадал в ноты.

Ещё он играл на гитаре. Гитара жила тут же, в гараже, на гвозде над диваном, и к концу каждой пятницы неизбежно оказывалась у Стаса в руках.

В эту пятницу первым, как обычно, пришёл Паштет.

Паша, он же Паштет, был другом Стаса с шестого класса. Двадцать лет назад они подрались за последнюю булочку в школьной столовой, разбили друг другу носы, а потом вместе сидели в кабинете у завуча и выяснили, что оба читают одну и ту же книжку про драконов. Булочку, кстати, в итоге съел завуч.

Паштет был худой, бледный, с вечно недовольной складкой между бровей. Он работал системным администратором в какой-то конторе, которую никогда не называл, и ненавидел свою работу, своих коллег, своего начальника, погоду, правительство, соседей сверху, соседей снизу и всё человечество в целом. Делал он это последовательно и с полной самоотдачей. Друзья давно научились различать оттенки его недовольства, как эскимосы различают виды снега. Было, например, «недовольство обычное, утреннее». Было «недовольство, переходящее в презрение». И было редкое, почти

легендарное «недовольство с намёком на удовольствие». Последнее Паштет испытывал, когда за игровым столом убивал кого-нибудь из героев.

Потому что чаще всего Паштет был Мастером.

Он придумывал подземелья, расставлял ловушки, разыгрывал чудовищ и говорил за каждого трактирщика, стражника и злобного колдуна. Делал он это так, что у всех мурашки бегали по спине. Особенно когда в его голосе появлялась та самая ласковая интонация, после которой обычно выяснялось, что сундук на самом деле мимик, пол на самом деле яма, а прекрасная эльфийская принцесса на самом деле личинка гигантского паука.

Изредка, раз в несколько месяцев, они менялись: игру вёл Стас, а Паштет садился за стол игроком. Персонаж у него на этот случай был один и тот же, все двенадцать лет: мрачный некромант с черепом на посохе. Игры Стаса нравились всем. Он видел их по-своему: смешно, живо, с какими-то нелепыми трактирами, говорящими курицами и драконами, которые больше всего на свете боялись налоговой. Всем, кроме Паштета. Паштет делал замечания, спорил с каждым броском кубика, ворчал, что «так по правилам нельзя», «это не логично» и «дракон так себя не ведёт», и весь вечер сидел с таким лицом, будто его заставили есть лимон. А на следующей пятнице с видимым облегчением снова садился за ширму Мастера.

В эту пятницу Паштет пришёл не с пустыми руками. Он

водрузил на стол трёхлитровую банку, в которой плескалось что-то мутное, золотисто-коричневое, с плавающими на поверхности орешками, и сказал:

— Настойка. Деда Семёна.

— Какого деда Семёна? — подозрительно спросил Стас.

— Соседа моего, по даче. Ему девяносто один год. Говорит, всю жизнь эту настойку пьёт, по рюмке в день, и потому до сих пор живой. На кедровых орешках. Чистый мёд.

— А почему он тебе её отдал, если она такая полезная?

— Потому что я ему крышу починил, — с достоинством сказал Паштет. — И потому что у него ещё четыре таких банки.

Стас посмотрел на банку. Орешки в ней медленно поворачивались, будто что-то обсуждали между собой.

— Ну давай, — сказал он. — Попробуем деда Семёна.

* * *

Олег пришёл вторым, с пакетом пряников и горшком, в котором что-то росло.

Олег, он же Полароид, был самым добрым человеком из всех, кого Стас знал. И самым умным. Он работал агрономом в городском тепличном хозяйстве, знал латинские названия всех растений средней полосы, читал по книге в неделю и мог часами рассказывать о том, как интересно устроен лист подорожника. Слушать его было невозможно, но и пе-

ребивать жалко: у Олега при этом так светились глаза, что казалось, будто обижаешь ребёнка.

Прозвище своё он получил за привычку часто-часто моргать. Особенно когда волновался, думал или видел что-нибудь интересное. Со стороны это выглядело так, будто Олег щёлкает невидимым фотоаппаратом и делает снимки на память. Отсюда и Полароид.

— Это что? — спросил Стас, кивая на горшок.

— Это тебе, — сказал Олег и поставил горшок на верстак. — Хлорофитум. Он очищает воздух. А у тебя тут, извини, Стас, воздух такой, что его можно резать и продавать как сыр.

— Это запах настоящей мужской работы.

— Это запах бензина, масла и Пашиных сигарет, — мягко поправил Олег. — Хлорофитум с ним справится. Наверно. Я на всякий случай с ним поговорил. Объяснил, куда его везут.

Паштет хмыкнул и налил всем по первой.

Сёстры пришли вместе, как всегда. Сёстры вообще всё делали вместе с самого рождения, и это была, наверно, единственная в мире вещь, в которой они были согласны.

Ольгу и Олесю в компании звали Лёлик и Болик. Прозвища придумал Паштет ещё на первом курсе, когда увидел их впервые в институтской столовой, и они прилипли намертво. Сёстры были близнецами и были похожи как две капли воды, но спутать их не смог бы даже слепой.

Ольга ходила так, будто земля ей должна денег. Громкая,

резкая, острая на язык, она работала менеджером по продажам в фирме, торговавшей офисной мебелью, и продавала столы и шкафы так, будто брала крепости. Начальник её боялся. Клиенты её боялись. Друзья её любили, но тоже немножко боялись, кроме, пожалуй, Маги, который её не боялся вовсе, а только вздыхал. Ольга любила риск, приключения, скорость, острые блюда и споры, а больше всего на свете ненавидела, когда ей говорят «нельзя». В игре она всегда брала воровку и всегда первой лезла в сундук.

Олеся ходила так, будто сама задолжала земле и очень извиняется. Тихая, вежливая, пугливая, она работала бухгалтером в маленькой фирме, жила с мамой и по вечерам смотрела сериалы. Плакала она от всего: от грустного кино, от весёлого кино, от собачки на улице, от того, что собачка нашла хозяина. Однажды она заплакала, когда Паштет за игрой убил гоблина, которого Олеся, по её словам, «уже почти уговорила стать хорошим». Книгу правил она за все годы так и не прочитала. Карточку персонажа ей когда-то заполнил Стас, и с тех пор Олеся играла целительницей, лечила всех подряд и каждый раз радовалась, когда у неё получалось, как в первый раз.

Почему она двенадцать лет каждую пятницу ходила в пропахший бензином гараж играть в игру, правил которой не понимала, никто не спрашивал. А сама она не рассказывала.

— Привет, — сказала Олеся, входя, и тут же покраснела, потому что Стас обернулся от верстака и улыбнулся ей. —

Я... мы пряники купили. Ой. Олег тоже купил пряники.

— Пряников много не бывает, — сказал Стас. — Проходи, Олесь. Садись на своё место.

Её место было рядом с ним. Так сложилось давно, никто уже не помнил когда.

— Чем воняет? — спросила Ольга, плюхаясь на диван. — Кучерявый, ты опять карбюратор на столе перебирал?

— Это хлорофитум, — сказал Олег. — То есть хлорофитум пока не помог. Ему нужно время.

Ольга посмотрела на банку с настойкой.

— А это что за болото?

— Дед Семён, — сказал Паштет.

— Наливай, — сказала Ольга.

* * *

Последним, как всегда, пришёл Мага.

Его было слышно задолго до того, как он появился. Сначала во дворе кооператива залаяли собаки. Потом раздался грохот, будто кто-то уронил пустую бочку. Потом голос:

— Э, дяхан! Дяхан, не обессудь, я твою бочку задел! Сейчас подниму, да! Вот, стоит. Как новая. Лучше, чем была, клянусь!

Потом дверь гаража распахнулась, и в неё вошёл Мага.

Он входил всегда так, будто открывал не дверь, а занавес на сцене, и вся публика ждала только его. Высокий, широ-

копечий, с густыми чёрными бровями, сросшимися почти в одну, с носом, о котором он сам говорил, что «это не нос, это достоинство», и с улыбкой, которая занимала половину лица. Мага работал на стройке, крановщиком, и утверждал, что видит город сверху лучше, чем голуби. Он был громким. Он был весёлым. Он был гордым, как горный орёл, и вспыльчивым, как вулкан. Если где-то начиналась драка, Мага оказывался в ней раньше, чем успевал понять, из-за чего она. Если где-то нужно было кого-то защитить, Мага оказывался там раньше, чем его просили.

— Ахи! — заорал он с порога, раскинув руки. — Стас, мой брат! Олег, мой брат! Паша, брат, и ты тут, давно приехал? Оля, Олеся, здравствуйте!

Последнее он сказал другим голосом. Мягче. Тише. Почти вежливо. И посмотрел почему-то только на Ольгу.

— Привет, Мага, — сказала Олеся.

— Явился, — сказала Ольга. — Мы уже третий тост без тебя.

— Прости, Оля, — Мага прижал руку к сердцу и сказал это тихо, почти виновато. — Задержался. Не нарочно.

Потом он повернулся к Стасу с Олегом, и голос его снова загремел на весь гараж:

— Ахи, вы не поверите, что было! Иду я сюда, захожу в магазин за хлебом. Выхожу, а за углом магазина суета. Пять человек, понял, на одного мужика. Здоровые все, как шкафы. Ну я что, мимо пройду? Не пройду! Я им говорю: э, вы

что делаете, а? Пятеро на одного, это по-мужски, да?

— И что? — спросил Олег, восторженно моргая.

— Что? Что? Одному чапалаха дал, второму чапалаха дал, третий сам убежал! Остальные увидели, тоже убежали! Мужик мне руку жал, плакал. Сказал, сын у меня будет, Магомедом назову!

— Подожди, — сказал Паштет, не поднимая глаз от своих записей. — Их было пятеро, ты дал двоим, третий убежал. А четвёртый с пятым?

— Тоже убежали, — сказал Мага.

— Сразу после третьего?

— Ну... — Мага замялся. — Ну, может, их не пятеро было. Может, трое. Но здоровые! Ахи, клянусь, вот такие!

Он показал руками что-то размером с холодильник.

— А мужик правда плакал? — спросила Олеся.

— Ну... почти плакал, — признал Мага. — Глаза были влажные. От ветра, наверно. Но спасибо сказал! Два раза!

Ольга фыркнула в свою рюмку. Стас засмеялся. Мага обиделся ровно на две секунды, а потом засмеялся тоже, громче всех.

— Ладно, — сказал он. — Что тут у нас похавать есть? Я голодный, как волк. Как два волка.

— Пряники, — сказал Олег. — И пицца едет.

— Пицца, — с глубоким презрением повторил Мага. — Пицца. Ахи, это не еда. Это лепёшка, на которую кто-то уронил свой ужин. Вот хенкал, это еда.

— Хинкали, — поправил Паштет, чтобы позлить.

Мага медленно повернулся к нему.

— Брат, — сказал он очень серьёзно, — я тебя люблю. Ты мой брат. Но если ты ещё раз скажешь «хинкали», я тебе дам чапалаха. Хинкали, это у грузин. Мешочки такие, с мясом внутри, красивые, вкусные, я не спорю. А хенкал, это хенкал. Тесто отдельно, мясо отдельно, бульон отдельно, соус отдельно. Мясо баранье, на кости, варится три часа. Тесто такое, что во рту тает. Соус чесночный, с бульоном. Понял?

— Понял, — сказал Паштет.

— Вот. Завтра сварю. Сами увидите. Мама учила. Её мама учила. Её мамы мама...

— Завтра? — переспросил Стас.

— А что, никто не сказал? — Ольга поставила рюмку. — Завтра на речку едем. На шашлыки. Я решила.

— Когда решила?

— Сейчас. Погода хорошая, суббота, все свободны. Возражения?

Возражений не было. Возражения Ольге вообще редко кто высказывал. Это было вредно для здоровья.

— Шашлыки, — мечтательно сказал Стас. — На нашем месте. У ивы.

— Шашлыки жарьте, — великодушно разрешил Мага. — А я хенкал сварю. В казане. Казан у меня есть. Мясо куплю утром, на рынке, у знакомого. Тесто с вечера замешу. А вы потом будете кушать и плакать, что всю жизнь ели не то.

— И игру возьмём, — сказал Паштет. Он поднял глаза от своих записей, и в них мелькнуло то самое, редкое, почти легендарное «недовольство с намёком на удовольствие». — Доиграем на природе. Мне как раз есть что вам показать в четвёртой комнате.

— Мы и третью-то не прошли, — напомнила Ольга.

— Вот и посмотрим, пройдёте ли.

* * *

Как закончилась та пятница, Стас потом так и не вспомнил.

Он помнил, как Олег рассказывал про хлорофитум и все слушали, потому что после третьей рюмки деда Семёна даже хлорофитум казался безумно интересным. Помнил, как Мага показывал, как раскатывать тесто для хенкала, используя вместо скалки бутылку. Помнил, как Олег, который весь вечер пил чай с пряниками (Олег вообще почти не пил), решительно забрал у него ключи от машины и сказал: «Завтра поведу я. А ты, Стас, домой на такси». Помнил, как Ольга обыграла всех в карты, а потом обыграла ещё раз, и Паштет обвинил её в мошенничестве, а она сказала: «Докажи». Помнил, как сам взял гитару и пел, и все подпевали, а Олеся сидела рядом и смотрела на него так, что он почему-то сбился с аккорда.

Помнил, что где-то между пятой и шестой рюмкой понял:

настойка деда Семёна сделана не на кедровых орешках. Или не только на них. А на чём-то куда более злонамеренном. Дальше была темнота.

* * *

Субботнее утро наступило для Стаса внезапно и без предупреждения, как налоговая проверка. Сначала в квартиру ворвалось солнце, следом дверной звонок, а за звонком голос, которого спросонья и с похмелья не пожелаешь даже врагу.

— Кучерявый! Открывай, я знаю, что ты дома! Ты без машины, а пешком ты дальше холодильника не ходишь!

Стас приоткрыл один глаз, оценил положение солнца и снова его закрыл. Звонок не унимался. Судя по звуку, Ольга за дверь уже прикидывала, не выбить ли её плечом.

Как он вчера добрался из гаража домой, Стас не помнил. Судя по тому, что он лежал на диване в джинсах, одном носке и с гитарным медиатором, прилипшим к щеке, добрался он без особой изысканности.

— Иду... — прохрипел он, сползая с дивана. — Лёлик, если ты сейчас сломаешь мне дверь, ремонт за твой счёт!

— За мой счёт будут только твои похороны, если через десять минут ты не будешь в машине! — бодро отозвалась Ольга. — Все уже внизу. Олег уже пригнал твой УАЗик из гаража. Мага с шести утра на рынке был, барана выбирал.

Говорит, если мы через десять минут не выедем, он этого барана съест сырым.

Стас доплёлся до ванной, сунул голову под холодную воду и держал, пока в ней не прояснилось. Не совсем. Но достаточно.

Он натянул любимую футболку с надписью «Я не лысый, у меня просто солнечные панели», нашёл второй носок (почему-то в холодильнике), закинул на плечо чехол с гитарой и через двенадцать минут (две из них Ольга демонстративно засекла по телефону) спустился во двор.

Компания была в сборе. У старенького УАЗика-«буханки», которого Стас лично перебрал до последнего винтика и который, по его утверждению, «переживёт и нас, и наших внуков», стояли все пятеро. За рулём, вцепившись в баранку, уже сидел Олег.

Паштет курил с выражением лица человека, которого разбудили ради казни, а казнь перенесли. Сегодняшний оттенок Стас определил как «недовольство с похмелья, переходящее в мизантропию».

Олег что-то увлечённо разглядывал в траве у бордюра. На Стаса он поднял глаза и по привычке часто-часто заморгал.

— Подорожник ланцетолистный, — радостно сообщил он вместо приветствия. — Представляешь, прямо во дворе! Обычно он на пустырях растёт, а тут...

— Представляю, — кивнул Стас. — Я его тоже каждый день вижу. Правда, я думал, это просто трава.

— Просто трава должна была быть у тебя на голове, — немедленно вставил Паштет. — А у тебя там вертолётная площадка.

— Завидууй молча, Паштет. Мне хоть расчёсываться не надо.

Олеся стояла чуть в стороне, в лёгком летнем платье, и смущённо улыбалась.

— Доброе утро, Стас, — тихо сказала она. — Ты как себя чувствуешь? У меня таблетка есть, если голова...

— Олесь, ты ангел. Единственный нормальный человек в этой банде.

Олеся порозовела и уткнулась в свою сумочку, будто срочно что-то там искала. Таблетку она нашла не сразу. Видимо, потому что искала не таблетку, а куда деть глаза.

— Э! — возмутился из-за машины мощный голос. — А я, значит, ненормальный?

Мага вынырнул из-за УАЗика. В одной руке он держал огромный чугунный казан, чёрный от времени, в другой пакет, из которого торчала баранья нога. За спиной у него висел рюкзак, набитый так, что не застёгивался.

— Ты, Мага, не ненормальный, — дипломатично ответил Стас. — Ты стихийное бедствие. Это другое.

— Вот! — Мага поднял казан над головой, как кубок. — Человек понимает! Стихийное бедствие с лучшим хенкалом на сто километров вокруг! Ахи, ты видел, какую я ногу взял? Ты посмотри, да! Это не нога, это поэзия! Я этого барана,

клянусь, лично знал. Хороший был баран. Красивый. Умный. Почти как Олег.

— Спасибо, — растерянно сказал Олег.

— Грузимся уже, бедствие, — скомандовала Ольга и первой полезла на переднее сиденье.

Мага проводил её взглядом. Вздохнул. Вздыхал он так уже лет пятнадцать, с самого первого курса. Все это видели. Кроме, судя по всему, самой Ольги. Или Ольга делала вид, что не видит. С Ольгой никогда нельзя было понять наверняка.

Возражать Ольге насчёт переднего сиденья никто не стал. Этот вопрос был закрыт ещё в студенческие годы, после того как Паштет однажды попытался сесть впереди и вылетел из машины на ходу. Ну, почти на ходу. Машина как раз трогалась.

Грузились долго. «Буханка» была машиной вместительной, но и она имела предел, а Мага был не только стихийным бедствием, но и стихийным бедствием с казаном. Казан, мангал, мешок угля, баранья нога, сумки с едой, пледы, палатка «на всякий случай», гитара, удочки, которые никто никогда не доставал, и коробка с игрой, которую Паштет держал на коленях, как мать младенца. Сначала всё это не влезало. Потом Стас переложил всё по-другому, по какой-то своей, слесарской системе, и вдруг влезло, да ещё осталось место для людей.

— Тетрис, — с уважением сказал Олег, выглядывая из кабины.

— Опыт, — скромно ответил Стас.

Стас, Паштет и Олеся устроились в салоне, на старых сиденьях вдоль бортов. Последним залез Мага. Он сел у самой двери, напротив Паштета, и УАЗик заметно осел на правую сторону.

— Не тесно тебе, ахи? — участливо спросил Мага, упираясь коленями Паштету в колени.

— Нет, — сказал Паштет. — Просторно. Как в гробу.

— Вот и хорошо! — обрадовался Мага. — Поехали, Олег, мой брат! Хенкал ждать не любит!

Олег включил передачу так осторожно, будто разминировал бомбу, и УАЗик, недовольно рыкнув, выкатился со двора.

— Олег, газу, — страдальчески сказал Стас из салона. — Она же не стеклянная.

— Я знаю, — сказал Олег, не отрывая глаз от дороги. — Это я стеклянный. Я на ней в третий раз в жизни еду.

* * *

До речки было километров сорок. Сначала по трассе, потом по разбитой грунтовке через поля, потом через сосновый лес, по дороге, которую знали только местные грибники и они.

УАЗик, как и обещал Стас, перенёс дорогу стойко. Лишь однажды, на особо подлой кочке, в моторе что-то подозри-

тельно звякнуло. Стас заорал «Олег, тормози!» так, что Олег ударил по тормозам и все в салоне посыпались друг на друга. Стас выскочил, нырнул под капот и через пять минут вынырнул с перемазанными руками и счастливым лицом.

— Хомут, — гордо объявил он. — Подтянул. Слышите, как она теперь поёт?

— Слышу, как ты поёшь, — буркнул Паштет. — Над каждым болтом. Женился бы ты уже на своей «буханке», что ли.

— Не могу. Она слишком хороша для меня.

— Ахи, — сказал Мага, прильнув к окошку, — ты посмотри, какое поле! Ты посмотри, да! Это же не поле, это ковёр! Это же... это же как у нас в горах весной, когда всё цветёт! Ашалеть! Олег, брат, что это там жёлтое?

— Пижма, — сказал Олег. — Обыкновенная. А вон то, синее, цикорий.

— Цикорий, — благоговейно повторил Мага. — Ты слышишь, как звучит? Цикорий! Как имя для сына!

— Не надо называть сына Цикорий, — попросила Олеся.

— Не буду, — пообещал Мага. — Как скажешь, Олеся.

Ольга в кабине включила музыку. Громко. Что-то старое, из их студенческих времён, и все тут же начали подпевать. Даже Паштет. Он, правда, делал вид, что не поёт, а просто шевелит губами от недовольства, но Стас видел, что шевелит он ими точно в такт.

В такие минуты Стас любил их всех так, что щемило в груди. Пятерых идиотов, с которыми он провёл половину жизни.

ни. Знал наизусть их шутки, их привычки, их обиды и радости. Знал, что Паштет только делает вид, что всех ненавидит. Знал, что Ольга только делает вид, что ничего не боится. Знал, что Мага только делает вид, что не замечает, как Ольга иногда смотрит на него, когда думает, что никто не видит. Знал, что Олег всю жизнь мечтал о настоящем ботаническом саду, где растут не огурцы для тепличного хозяйства, а что-нибудь удивительное.

Про Олесю он знал всё, кроме одного. И это одно он давно и безнадёжно боялся спросить.

* * *

Место было их, давно облюбованное: пологий берег, старая ива, склонившаяся к воде, мелкий песок. Река здесь делала ленивую петлю, и течение почти замирало. Солнце золотило рябь, где-то в камышах деловито крякала утка. Больше никакой природы в этой истории не будет, потому что её тут же затоптали шесть пар ног.

То есть почти не будет. Потому что Мага, выбравшись из УАЗика, первым делом подошёл к воде, раскинул руки и заорал:

— Ахи! Вы посмотрите! Вы посмотрите, какая красота! Вода, как стекло! Ива, как невеста! Небо, как... как... Олег, брат, как что небо?

— Как небо, — сказал Олег.

— Нет! Лучше! Ашалеть просто! Я бы здесь жил! Я бы здесь дом построил! Вот здесь, у ивы!

— Тебе в прошлый раз то же самое говорили, — напомнил Паштет, вытаскивая из багажника мангал. — И в позапрошлый. Ты каждый раз хочешь здесь жить.

— Потому что каждый раз красиво! — возмутился Мага. — Брат, ты сердце имей! Посмотри, да!

Паштет посмотрел на реку. Подумал.

— Утка, — сказал он. — Мокрая.

Мага махнул на него рукой, как на безнадёжного, и пошёл разводить огонь.

Огней было два. На одном, в мангале, Стас с Паштетом жарили шашлык из свинины, которую Ольга замариновала накануне по своему рецепту, острому, как она сама. На втором, в ямке, обложенной камнями, Мага ставил свой казан.

Это было отдельное представление. Мага колдовал над казаном так, как Стас колдовал над мотором. Баранья нога, разрубленная на куски, легла в холодную воду. Мага солил, пробовал, хмурился, добавлял что-то из маленьких мешочков, которые доставал из рюкзака, снова пробовал. Потом снимал пену. Потом опять пробовал.

— Сколько ещё? — спросила Ольга через час.

— Три часа, — сказал Мага, не оборачиваясь.

— Ты сказал «три часа» час назад.

— Потому что мясо, Лёлик, должно само решить, когда оно готово. Его нельзя торопить. Как... — Мага запнулся,

покраснел и закончил неожиданно: — Как хорошие вещи.

Ольга посмотрела на него странно. Потом фыркнула и ушла купаться.

Олеся помогала Маге с тестом. Она раскатывала его на доске, тонко, ровно, а Мага резал на ромбики, на «язычки», и смотрел на её работу с одобрением.

— Хорошо катаешь, — сказал он. — Мама бы тебя похвалила. Она мне говорила: Магомед, если девочка умеет тесто катать, значит, у неё душа ровная.

— Правда? — Олеся покраснела.

— Правда. Клянусь. — Мага понизил голос и кивнул в сторону мангала, где Стас о чём-то спорил с Паштетом, размахивая шампуром. — Ему бы сказала. Он тоже ровное любит. Он вообще такой, понял? Если что любит, то на всю жизнь. Как машину свою.

Олеся уронила скалку.

— Я... я не... — забормотала она. — Мага, ты что, я не...

— Ничего не говорю, — Мага поднял руки. — Ничего не говорю, сестрёнка. Катай. Тесто ждёт.

* * *

Через пару часов над берегом плыл такой запах, что утка в камышах замолчала. Видимо, от зависти.

Шашлык удался. Хенкал удался так, что Паштет, съев первую порцию, молча протянул тарелку за второй, а это

было равносильно тому, как если бы любой другой человек встал и захлопал. Бульон Мага разлил по кружкам, тесто разложил на большом блюде, мясо горкой, а посередине поставил миску с соусом, белым, густым, от которого чесноком пахло так, что, по мнению Олега, можно было отпугнуть вампира с другого берега.

— Ну? — спросил Мага, обводя всех взглядом. — Ну? Скажите, да!

— Мага, — с набитым ртом сказал Стас, — это лучшее, что я ел в жизни.

— А шашлык? — ревниво спросила Ольга.

— И шашлык лучшее, — дипломатично сказал Стас. — Это два разных лучших.

— Как по кайфу, — великодушно махнул рукой Мага. — Главное, чтобы похавали все. Олег, брат, ешь да! Ты худой, как этот твой цикорий!

Олег послушно ел.

После обеда купались. Мага прыгал в воду с разбегу, бомбочкой, и поднимал такие волны, что утка окончательно переехала в соседние камыши. Ольга плавала далеко, до середины реки и обратно, наперегонки сама с собой. Олег бродил по берегу и разглядывал траву. Паштет лежал на пледе в тени, накрыв лицо газетой, и периодически сообщал из-под неё, что все вокруг шумят. Олеся сидела у воды, опустив в неё ноги, и смотрела, как солнце играет на ряби.

А Стас, сытый и подобревший, отошёл к воде умыться.

Наклонился, зачерпнул пригоршню и замер.

На дне, у самого берега, среди серой гальки, лежал камень. Ничего особенного: размером с куриное яйцо, тёмный, гладкий, с тонкими светлыми прожилками. Таких на любом берегу сотни. Только этот... звал.

Стас потом так и не смог объяснить, как именно. Не голо-сом, конечно. Просто стоило отвести от камня взгляд, как в голове появлялось лёгкое, но настойчивое ощущение, будто кто-то тихо, вежливо и очень упорно повторяет: «Ну возьми. Ну что тебе стоит. Возьми, а?»

Он стоял на этом месте много раз. Двенадцать лет подряд, каждое лето. И ни разу не видел этого камня. А ведь вода здесь была мелкая и прозрачная, всё дно как на ладони. Будто камень лёг сюда только вчера.

— Кучерявый, ты там утонул или молишься? — донёсся сзади голос Ольги. Она как раз выходила из воды, отжимая волосы.

— Тут камень, — ответил Стас, не оборачиваясь, и выудил его из воды.

Камень оказался неожиданно тёплым. Будто весь день пролежал не в холодной речной воде, а на солнце.

— Ну камень, — пожал плечами подошедший Паштет. Газету он унёс с собой. — Поздравляю. Ты нашёл камень на берегу реки. Нобелевку тебе.

— Он тёплый.

— Ты тоже тёплый. И тоже бесполезный.

— Ахи, дай посмотреть, — подоспел Мага. Повертел камень в огромных пальцах, поднёс к глазам. — Красивый. Ашалеть, какой красивый! Смотри, какие узоры! Как вены на руке. Как реки на карте!

Олег с интересом протиснулся между ними, взял камень у Маги, повертел перед глазами и вдруг поморщился.

— Странно, — сказал он. — Холодный. Ты же сказал, тёплый. — Он заморгал. — И породы такой не знаю. Прожилки похожи на кварц, но рисунок какой-то... Смотрите, они будто складываются в узор. И вообще, Стас, держать его как-то... неприятно. Будто он меня не хочет.

— Дай сюда, — вдруг сказал Стас.

Сказал резче, чем хотел, и сам этому удивился. Олег, ничуть не обидевшись, с явным облегчением отдал камень, и неприятное, тянущее чувство в голове у Стаса сразу пропало. В ладони камень снова был тёплым. Стас сунул находку в карман и тут же о ней забыл. Ну, почти забыл.

Олеся, сидевшая у воды, смотрела на него. Долго, внимательно.

— Стас, — тихо спросила она, когда остальные разошлись. — Ты чего так? С Олегом?

— Не знаю, — честно сказал Стас. — Само как-то. Будто... будто это моё. Глупость, да?

Олеся подумала.

— Нет, — сказала она. — Не глупость. Бывает, что вещь тебя находит. У меня так с одной книжкой было, в детстве.

Я её сто раз перечитывала.

— Какой?

Олеся улыбнулась.

— Про драконов, — сказала она. — Только я тебе не скажу, про каких. А то будешь смеяться.

И ушла к сестре, оставив Стаса гадать, почему у него вдруг так глупо и радостно бьётся сердце.

* * *

Вечер подкрался незаметно, как всегда подкрадываются хорошие вечера. Солнце скатилось за лес, над водой потянуло прохладой, и Мага, ворча, что «у нас в горах костёр так не разводят», развёл костёр так, как разводят у них в горах. То есть огромный.

— Мага, — сказал Олег, отступая от жара, — это не костёр. Это пожар.

— Это нормальный костёр, брат, — возразил Мага. — Это вы тут привыкли к своим маленьким, как спичка. А у нас, понял, костёр, это чтобы видно было с соседней горы. Чтобы соседи знали: здесь люди живут, здесь хенкал варят, здесь гостей ждут!

— Здесь нет соседней горы, — заметил Паштет.

— Значит, с соседнего поля, — не сдался Мага.

Стас достал гитару. Сыграл пару вещей, которые знали все, и все подпевали: Мага громко и мимо нот, Ольга хрипло

и уверенно, Олег, забывая слова. Паштет делал вид, что не поёт, но губами шевелил. Олеся не пела. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на Стаса так, что, если бы он в этот момент поднял глаза, многое в этой истории могло бы случиться раньше. Но он не поднял. Он подбирал аккорд.

Потом Паштет торжественно извлёк из рюкзака коробку. Потрёпанную, заклеенную скотчем, с выцветшей картинкой: дракон над замком.

Он разложил на походном столике карту подземелья, расставил картонные фигурки героев, выложил кубики, ширму Мастера и свои записи. Делал он это медленно, с удовольствием, будто священник, готовящийся к службе. Потом поправил очки, которых у него не было, и откашлялся.

— Итак, ничтожества, — объявил он голосом, который приберегал исключительно для роли Мастера. — Вы снова в подземелье. В прошлый раз ваша доблестная партия умерла от собственной глупости в третьей комнате. Надеюсь, сегодня вы продержитесь хотя бы до четвёртой.

— Мы умерли, потому что ты подсунул нам мимика под видом сундука! — возмутилась Ольга.

— Я подсунул вам мимика под видом сундука, потому что у вас не хватило мозгов его проверить, — невозмутимо ответил Паштет. — И кстати, Лёлик, ты тогда первая полезла его открывать.

— Потому что вы все трусы! — отрезала Ольга.

— Мы не трусы, — тихо возразила Олеся. — Мы про-

сто... осторожные.

— Ты, Болик, вообще под стол залезла, когда он ожил.

Олеся покраснела и уткнулась в карточку персонажа. Глаза у неё подозрительно заблестели, и Мага тут же обнял её за плечи могучей рукой.

— Не плачь, сестрёнка! — сказал он. А потом повернулся к Паштету и добавил уже другим тоном: — Брат. Под столом, это не трусость. Это засада. Я бы тоже в засаду пошёл. Если бы под стол влез. Понял?

— Понял, — вздохнул Паштет.

— Ахи, а давай, я в этот раз первый пойду, — оживился Мага. — Мой голиаф всех порвёт. Там же суeta намечается, в четвёртой комнате? Я чувствую, намечается!

— Намечается, — с ласковой интонацией подтвердил Паштет. И все за столом поёжились.

Стас расчистил на походном столике место среди тарелок, чтобы разложить свою карточку, и машинально выложил из кармана камень. В отблесках костра светлые прожилки на нём выглядели почти живыми.

— Это ещё что? — нахмурился Паштет.

— Артефакт, — ухмыльнулся Стас. — Древний. Магический. Прямо из реки. Пусть у моего мага будет посох с камнем.

— Нет у твоего мага посоха. Ты его в прошлый раз пропил в таверне.

— Значит, новый нашёл.

Паштет посмотрел на камень, потом на Стаса. Долго, с подозрением, как смотрел на всё, что не мог объяснить. Потом махнул рукой.

— Ладно. Ход твой, Кучерявый. Как всегда, ты первый.
— В голосе мелькнуло что-то колючее, но тут же пропало.
— Перед вами дверь. Тяжёлая, дубовая, окованная железом. Из-за неё доносится рычание. Что делаешь?

— Колдую! — бодро заявил Стас.

— Что колдуешь?

— Огненный шар!

— Огненный шар у тебя кончился. Ты его потратил на крысу в прошлой комнате, гений тактики. — Паштет откинулся назад, и в свете костра на лице его заиграла поистине злодейская улыбка. — Так что импровизируй. Придумай заклинание сам. И скажи его. Вслух. С выражением. Убедишь меня, засчитаю.

Все оживились. Это была их любимая часть игры: Стас умел придумывать такие заклинания, что Мага однажды подавился от смеха куском хенкала и чуть не стал первой реальной жертвой их кампании.

— Давай, ахи! — заорал Мага. — Давай, Стас, мой брат! Покажи ему, да!

Стас встал. Положил ладонь на камень. Камень был горячим, почти обжигающим, но Стас этого не заметил, потому что уже вошёл в образ.

Он воздел вторую руку к звёздному небу и загробным го-

лосом провозгласил:

— Силою реки и шашлыка! Силою хенкала и пятничной настойки деда Семёна! Силою подорожника ланцетолистного!

Олег восторженно заморгал. Ольга фыркнула. Мага хлопнул себя по колену и заорал: «Хенкал! Он сказал хенкал! Слышали, да?!»

— Взываю к тебе, о камень речной, тёплый и бесполезный! — продолжал Стас, войдя во вкус. — Открой нам дверь! Нет... Открой нам путь! Туда, где драконы, магия и приключения! Где нет понедельников! Где нет ипотеки! Где Паштет хоть раз улыбнётся по-настоящему! Да будет так!

— Последнее уже за гранью магии, — пробормотал Паштет. — Это чудо, а чудеса я не засчитыв...

Договорить он не успел.

Камень под ладонью Стаса вспыхнул. Не ярко, нет, совсем мягко, но светлые прожилки на его поверхности вдруг налились светом и поплыли, складываясь в тот самый узор, который заметил Олег. Свет пополз по столу, по карте, по картонным фигуркам героев, по рукам друзей.

— Стас... — испуганно пискнула Олеся. — Стас, что это?

— Ашалеть... — прошептал Мага.

— Это, — растерянно сказал Стас, глядя на свою руку, которую почему-то никак не мог оторвать от камня, — кажется, засчитано.

Костёр взметнулся вверх столбом искр. Последним, что

Стас увидел, было вытянувшееся лицо Паштета. Впервые за двадцать лет их знакомства на нём не было недовольства, только чистое, неподдельное изумление.

«Надо было сфотографировать, — успел подумать Стас.
— Полароид, где ты, когда ты нужен...»

А потом стало темно.

Глава 2 С корабля на бал, с бала в кусты

Пять правил выживания в фэнтезийном мире:

1. Не трогай незнакомые камни.
2. Не произноси заклинания, если не знаешь, что они делают.
3. Не верь Мастеру подземелий.
4. Если ты нарушил первые три правила, беги.
5. Если бежать поздно, бей первым.

Первым, что почувствовал Стас, был запах. Пахло травой, сыростью, речной тиной и почему-то палёными перьями. Вторым была боль: в спину упиралось что-то твёрдое, сучковатое и очень неудобное. Третьим стал голос Паштета, полный такой искренней, такой чистой ненависти ко всему мирозданию, что Стас сразу понял: он жив, и всё более-менее в порядке.

— Кучерявый. Если это твой розыгрыш, я тебя убью. Медленно. С особым цинизмом.

Стас открыл глаза.

Над ним раскинулась ива. Та самая, старая, склонившаяся к воде. Только теперь она была раза в три толще и выше, а её ветви свисали до земли плотным зелёным занавесом. Вокруг стеной стояла трава в человеческий рост, а сквозь неё

пробивался молодой подлесок. От их полянки, мангала, Магиного казана и УАЗика (тут сердце Стаса болезненно сжалось) не осталось и следа.

Ни следа. Ни колеи от колёс, ни кострища, ни фантика от конфеты. Будто их тут никогда и не было.

— Это не розыгрыш, — хрипло сказал он, садясь. — На такое у меня фантазии не хватит.

— Тогда что это? — Паштет сидел рядом, обхватив колени, и Стас не сразу его узнал.

Вместо привычной толстовки на Паше был длинный чёрный плащ с капюшоном, отороченный по краю чем-то, подозрительно напоминающим мелкие кости. На поясе висели кривой ритуальный нож и пара мешочков, а у колен лежал посох, увенчанный маленьким, но очень злым на вид черепом. Череп, кажется, тоже смотрел на Стаса с подозрением.

Стас посмотрел на этот плащ, на этот череп, и вдруг узнал их. Не видел никогда, а узнал. Двенадцать лет подряд, в те редкие пятницы, когда игру вёл Стас, Паштет садился за стол и клал перед собой карточку персонажа, исписанную мелким злым почерком. «Некромант. Плащ чёрный, с костяной каймой. Посох с черепом. Нож ритуальный, кривой».

Всё как на карточке. До последней косточки.

— Паштет, — с чувством сказал Стас, — тебе идёт. Честное слово. Такое ощущение, что ты всю жизнь шёл к этому образу.

— Ты на себя посмотри, клоун.

Стас посмотрел. Вместо старой футболки с надписью «Я не лысый, у меня просто солнечные панели» на нём была тёмно-серая мантия, расшитая по вороту странными серебристыми знаками. Знаки при взгляде на них будто медленно ползли, перетекая один в другой. У пояса висела потёртая сумка, а рядом с ним в траве лежал посох. Обычный деревянный, гладкий... и в навершии сидел тот самый речной камень с прожилками. Прожилки едва заметно светились.

— Ты смотри, — пробормотал Стас. — Посох с артефактом. Прямо как я на игре и сказал.

— Вот именно, — мрачно ответил Паштет. — Как ты сказал. Остальные где?

Остальные нашлись быстро и по звуку.

— Э! — донеслось из зарослей, и затрещали кусты. — Это что такое?! Почему я такой большой?! Ахи! Стас! Олег! Паша! Где вы, да?!

Кусты раздвинулись, и на поляну шагнуло нечто.

Стас всегда считал Магу крупным человеком. Теперь он понял, что раньше Мага был маленьким. Существо, которое вывалилось из зарослей, было ростом под два с половиной метра, с серой, словно каменной кожей, исчерченной тёмными узорами, широченными плечами и руками толщиной с ногу обычного человека. За спиной у него висели крест-накрест два огромных топора, а на поясе ещё один, поменьше, «запасной», как потом выразился Мага. Лицо, однако, осталось его: тот же нос, те же густые брови и та же сияющая,

совершенно бесстрашная улыбка.

— Мага? — осторожно уточнил Стас.

— А кто ещё? — Голиаф ударил себя кулаком в грудь, и звук был как от удара по пустой бочке. — Мне всю жизнь говорили: ешь, Магомед, расти будешь. Вот, вырос! Мама бы гордилась. — Он посмотрел на свои огромные серые руки, повертел ими перед лицом и выдохнул: — Ашалеть. Ахи, ты видишь, да? Это же я теперь, как кран на стройке! Я сам себе кран!

— Тихо вы, — прошипело откуда-то сверху.

Все задрали головы. На толстой ветке ивы, вцепившись в неё руками и ногами, сидела Ольга. Точнее, кто-то, очень похожий на Ольгу, если бы Ольгу окунули в чернила и вытянули. Кожа тёмно-серая, почти антрацитовая, волосы белые как снег, уши длинные и острые. Глаза в полутени под листвой светились едва заметным красноватым светом. Оде-та она была в облегающую кожаную броню без единого свет-лого пятна, а на поясе, на бёдрах и даже, кажется, за голени-щами сапог поблёскивали рукояти кинжалов. Много рукоя-тей.

— Лёлик... — выдохнул Мага и вдруг замолчал. Просто стоял и смотрел, два с половиной метра каменной мускула-туры с самой глупой улыбкой на свете.

— Чего уставился, шкаф? — огрызнулась Ольга. — По-моги лучше слезть. Я очнулась уже тут, наверху. Как я сюда попала, понятия не имею.

Мага подошёл, протянул руки, и Ольга, поколебавшись, позволила снять себя с ветки, как ребёнка. Голиаф поставил её на землю так бережно, будто она была из хрусталя.

— Не видел я раньше тёмных эльфов, Оля, — тихо и честно признался он. — Тем более таких красивых.

Ольга открыла рот, явно чтобы сказать что-то грубое, но неожиданно запнулась. И, кажется, даже чуть-чуть смутилась. Впрочем, на тёмной коже румянец не разглядишь, так что Стас решил, что ему показалось.

— Где Олеся? — резко сменила тему Ольга. — Я очнулась, её рядом не было!

— Я здесь... — раздался тихий голос из-под ивы.

Олеся сидела, прижавшись спиной к стволу, обхватив колени, и тихонько всхлипывала. Она осталась человеком, но тоже изменилась: на ней было белое, мягко мерцающее одеяние, на шее висел амулет в виде раскрытой ладони, светившийся тёплым золотым светом, а у колен лежал изящный посох со стеклянным, словно наполненным солнцем, набалдашником. Волосы, прежде собранные в скромный хвостик, рассыпались по плечам светлой волной.

Стас посмотрел на неё и вдруг понял, что забыл, о чём думал секунду назад. Он вообще забыл, что умеет думать. Такое бывало с ним раньше только однажды, когда он впервые увидел разобранный двигатель от «Мерседеса» пятидесятых годов.

— Олеся, — сказал он, присаживаясь рядом, и голос по-

чему-то стал мягче обычного. — Ты как? Ничего не болит?

— Н-нет... — она шмыгнула носом. — Мне страшно, Стас. Где мы? Мы умерли?

— Если бы мы умерли, — серьёзно ответил Стас, — то Паштет был бы не здесь, а в аду, руководил бы котлами. И нам было бы гораздо хуже. Так что мы, по всей видимости, живы.

Олеся слабо улыбнулась сквозь слёзы, и Стас почувствовал себя так, будто только что в одиночку завёл УАЗик на морозе в минус сорок. С первого раза.

Последним из зарослей вылез Олег. Он тоже был эльфом, но не тёмным, а светлокожим, с каштановыми волосами, в которых застряли листья, и в одежде из чего-то, напоминающего переплетённую кору и мох. Глаза у эльфа были ярко-зелёные, и моргал он по-прежнему часто. Видимо, некоторые вещи не меняет даже это... что бы это ни было.

— Ребята, — сказал он подозрительно спокойным голосом, — я, кажется, эльф.

— Мы заметили, — кивнул Стас.

— Нет, вы не поняли. У меня уши. Настоящие. Я их трогаю, и они чувствуют.

— Не трогай, — посоветовал Паштет. — Отвалятся.

— Олег, брат! — Мага сгрёб эльфа в охапку и оторвал от земли. — Ты посмотри на себя! Ты теперь как из кино! Тебе только лук дать, и всё, девочки сами будут падать!

— Поставь, пожалуйста, — сдавленно попросил Олег. —

У меня, кажется, рёбра тоже настоящие.

* * *

Совещание собрали прямо под ивой. Сели в кружок на траве: огромный голиаф, тёмная эльфийка, светлый эльф, девушка в белом, некромант в чёрном и лысый маг в мантии. Со стороны, наверно, это смотрелось как начало очень плохого анекдота.

— Так, — сказал Стас. — Давайте по порядку. Кто что помнит?

— Помню, как ты орал про шашлык и настойку, — сказала Ольга. — Потом свет. Потом ветка.

— Потом свет, потом трава, — кивнул Мага. — Лежу, понял, смотрю в небо. Думаю: всё, ахи, хенкала переел. Конец мне.

— Потом свет, потом ты, — буркнул Паштет. — Худшее пробуждение в моей жизни.

— Ну хорошо. И какие версии?

— Настойка, — немедленно сказал Паштет. — Дед Семён туда что-то подмешал. Мухоморы, не иначе. Мы сейчас все лежим у костра, пускаем слюни, и нам это снится. Одно на всех. Бывает такое, я читал.

— Не бывает, — возразил Олег. — Одинаковых галлюцинаций у шести человек не бывает. И к тому же... — он сорвал травинку, понюхал, растёр в пальцах, — я такую траву не знаю. А я знаю почти все травы средней полосы. Мой мозг не может нарисовать траву, которую я не знаю.

— Может, это шоу? — Мага огляделся по сторонам с внезапным подозрением. — Реалити. Нас усыпили, загри-мировали и привезли. Сейчас выскочит ведущий и скажет: «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!»

Он на всякий случай помахал ближайшему кусту. Куст промолчал.

— Мага, — терпеливо сказал Стас, — тебя загримировали на метр вверх?

Голиаф посмотрел на свои серые ручки, вздохнул и по-дошёл к ближайшему молодому деревцу. Деревце было тол-щиной с руку обычного человека. Мага от души хлопнул по нему ладонью.

Деревце хрустнуло и легло.

— Ай, — сказал Мага, тряся ладонью. — Больно. Значит, не сплю.

— Ты деревья не ломай, — расстроился Олег. — Оно-то при чём?

— Не обессудь, брат, — сказал Мага Олегу. Потом вино-вато похлопал поваленное деревце по стволу. — И ты, дере-во, тоже не обессудь.

— Значит, всё по-настоящему, — тихо сказала Олеся. — Мы где-то... в другом месте. И в других телах.

— В телах наших персонажей, — уточнил Стас. — Мага голиаф-берсерк, Лёлик тёмная эльфийка-воровка, Полароид друид, Паштет некромант, я маг. Олеся целительница. Всё как в игре. Даже посох с камнем, который я себе придумал.

— Подожди, — нахмурилась Ольга. — Паштет же Мастер. Он вчера за ширмой сидел. У него и персонажа-то в этой игре не было.

— Был, — неохотно сказал Паштет. — Некромант. Тот, которым я играю, когда Кучерявый ведёт. Карточка у меня в коробке лежала. — Он мрачно посмотрел на череп на своём посохе. — Видимо, кто-то решил, что раз уж всех, то всех.

Все посмотрели на камень в посохе Стаса. Камень мирно светился и делал вид, что он тут ни при чём.

— То есть это всё-таки ты, — подвёл итог Паштет. — Ты и твоя каменюка.

— Возможно, — честно признал Стас. — Но тогда это и твоё «придумай заклинание сам». Так что мы с тобой соавторы.

— Мальчики, — твёрдо сказала Ольга, и мальчики замолчали. — Мне сейчас не важно, кто виноват. Мне важно другое. Солнце уже за полдень перевалило. У нас нет еды, нет крыши над головой и нет машины. Что бы это ни было, сон, шоу или другой мир, разбираться будем потом. Сейчас надо найти людей. Хоть каких-нибудь.

— А если тут нет людей? — испуганно спросила Олеся.

— Значит, найдём хоть кого-нибудь, кто нам объяснит, где эти люди.

— Река течёт туда, — Олег махнул рукой вниз по течению. — Поселения всегда ставят у рек. Вода, рыба, мельницы. В нашем мире там был посёлок. Может, и здесь что-то есть.

— Решено, — кивнул Стас. — Идём вдоль реки, ищем жильё. А там уже расспросим, куда нас занесло. Возражения?

— Есть, — сказал Паштет. — Мне всё это не нравится.

— Это не возражение, Паштет. Это твоё обычное состояние.

* * *

Прежде чем уйти, Стас сделал одну вещь, которую сделал бы любой нормальный водитель.

Он пошёл искать машину.

Он помнил, где стоял УАЗик. Шагах в тридцати от ивы, на пригорке, у двух берёз, носом к дороге. Он прошёл эти тридцать шагов, продираясь сквозь траву выше пояса, и нашёл пригорок. Берёз не было. На их месте стояли две огромные, в три обхвата, сосны с красной корой. Под соснами рос папоротник.

Дороги не было тоже. Ни колеи, ни просеки, ни даже звериной тропы. Только лес, густой и старый, такой, какого Стас не видел никогда в жизни.

Он постоял там. Долго. Потом наклонился и поднял с земли сосновую шишку. Обычную, только раза в два крупнее, чем бывают.

— Ахи, — негромко сказал за его спиной Мага. Голиаф подошёл бесшумно, что при его размерах было почти чудом.

— Не нашёл?

— Нет.

Мага помолчал. Потом положил огромную ладонь Стасу

на плечо. Осторожно, будто боялся раздавить.

— Брат, — сказал он, — я тебе скажу. Машина, это железо. Железо найдётся. Новое купим, лучше. А мы, понял, все тут. Все шестеро. Живые. Это главное, да?

Стас посмотрел на него. На огромного, серого, нелепого голиафа с лицом Маги. И вдруг засмеялся.

— Ты прав, — сказал он. — Пошли, брат.

Шишку он сунул в сумку. Сам не знал зачем.

* * *

Шли гуськом. Впереди Ольга: идти первой ей полагалось по праву характера. За ней Мага, который ломился сквозь заросли так, что за ним оставалась просека. Дальше Олег, Олеся, Стас. Паштет плёлся последним и ворчал.

Лес вдоль реки был такой, что у Олега каждые пять минут вырывалось то восхищённое «ой», то испуганное «ой-ой». Деревья стояли огромные, старые, обросшие мхом до самых верхушек. Между ними висели паутины размером с рыболовную сеть, и, судя по их размеру, Стас очень не хотел знать, кто их плёл. Где-то в кронах кричали птицы, но голоса у них были незнакомые, то скрипучие, то похожие на смех. Один раз из кустов выглянул заяц. Ну, почти заяц. Уши у него были длиной с локоть, а глаза, большие и жёлтые, смотрели на людей с явным презрением.

— Стас, брат, ты видел? — восхищённо прошептал Мага, толкнув Стаса локтем. — Ты видел, какие уши? Ашалеть! Вот это заяц! Это не заяц, это ишак какой-то! Красавец!

— Это не заяц, — пробормотал Олег. — Это я не знаю что.

Через час всем захотелось пить. Через два захотелось есть. Последний раз они ели хенкал вчера вечером, и, хотя Мага утверждал, что «хенкал держит три дня, клянусь», желудок Стаса с ним был категорически не согласен.

Пить решили из реки. Олег долго смотрел на воду, черпал её ладонью, нюхал и в конце концов разрешил.

— Течение быстрое, вода холодная, прозрачная, — сказал он. — Никаких заводей, никакой тины. И рыба плавает, смотрите. Если рыба живая, значит, вода не ядовитая. Наверно.

— Наверно, — повторил Паштет. — Полароид, ты гений медицины.

— Других вариантов всё равно нет, — сказала Ольга и первой зачерпнула воду. — Если отравимся, Олеська вылечит.

— Я не умею, — испуганно сказала Олеся.

— В игре умеешь.

— В игре я бросаю кубик, а ты говоришь, сколько у тебя хитов прибавилось.

С едой было хуже. На второй час пути Олег нашёл куст с ягодами. Крупными, тёмно-синими, похожими на чернику, только размером с вишню. Он присел перед ним, долго рассматривал листья, стебель, растирал ягоду в пальцах.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Похоже на чернику.

Но это не черника. Может быть съедобной. Может быть ядовитой. Шансы примерно пятьдесят на пятьдесят.

— Как по кайфу, — махнул рукой Мага и сорвал горсть.

— Мага, нет!

Но Мага уже жевал. Все замерли и уставились на него. Мага прожевал, проглотил, подумал.

— Кисловато, — сказал он. — Но пойдёт. Не хенкал, конечно.

Прошла минута. Две. Мага не умер. Не позеленел. Не покрылся сыпью. Только рот у него стал синим, как у утопленника.

— Ну? — нетерпеливо спросила Ольга.

— Ну что «ну», Оля? — Мага пожал плечами. — Живой. Ешьте. Олег, брат, ешь да! ты же умный, тебе силы нужны!

Ягоды ели всей компанией. Стас потом говорил, что никогда в жизни ничего вкуснее не ел, и это была неправда, но тогда, на голодный желудок, на берегу чужой реки в чужом мире, синие кислые ягоды показались ему едой богов.

— Понял, Паша, — с набитым синим ртом сказал Мага, — что такое мужество? Это когда кто-то первый ест.

— Это не мужество, — сказал Паштет. — Это естественный отбор. Только он сегодня почему-то не сработал.

* * *

Паштет плёлся последним всю дорогу и ворчал не переставая.

— Почему некромант? Я в игре этого некроманта беру,

потому что все остальные классы для идиотов. Но в жизни-то некромант зачем? С кем мне тут дружить, с покойниками?

— Не переживай, брат, — обернулся Мага. — Если что, мы тебе покойников обеспечим. Свежих. Сколько хочешь.

— Спасибо, ахи, — ядовито сказал Паштет. — Ты настоящий друг.

— Конечно, настоящий! — обрадовался Мага, не уловив иронии. — А какой ещё?

Ольга, шедшая впереди, вдруг остановилась.

Она остановилась так резко, что Мага чуть не налетел на неё. Стояла, слегка склонив голову набок, и острые эльфийские уши едва заметно подрагивали.

— Тихо, — сказала она.

Все замерли.

— Что? — шёпотом спросил Стас.

— Не знаю. — Ольга нахмурилась. — Слышу что-то. Впереди. Шагов двести. Будто... будто визжит кто-то. И ругается.

— Ты слышишь за двести шагов? — восхитился Олег.

— Я сама в шоке, Полароид.

Мага медленно расправил плечи. Положил руку на рукоять топора за спиной. И улыбнулся широко и радостно, как ребёнок, которому пообещали подарок.

— Стас, брат, — сказал он, — по-моему, намечается суэта.

И, словно в ответ на его слова, лес впереди взорвался виз-

ГОМ.

* * *

Они вылетели из кустов разом, будто их кто-то долго держал за пазухой и вдруг разжал руку. Мелкие, по пояс человеку, зеленокожие, с огромными ушами, жёлтыми клыками и глазами навывкате. Одеты в лохмотья, вооружены чем попало: ржавыми тесачами, дубинами с гвоздями, кто-то даже с вилами. Стас машинально пересчитал. Десять. Девять с оружием, а десятый, державшийся позади, был в рваном балахоне, обвешанном костями и перьями, и сжимал в лапе кривую палку, на которой тлел нехороший зеленоватый огонёк.

— Гоблины! — радостно взвизгнул Олег. — Настоящие гоблины! Смотрите, у них уши...

— Олег! — рявкнули на него хором все пятеро.

— Ой. Да. Простите. Опасно.

Первым среагировал Мага. Он издал боевой клич, выдержав из-за спины оба топора и ринулся вперёд.

— Ну что, кто первый?! Подходи по одному! Нет, давай все сразу, так быстрее!

Если бы это была игра, Мага бросил бы кубик, выкинул двадцатку и разрубил бы пару гоблинов одним взмахом. Но кубиков не было. Были два топора, каждый весом с хорошую гирию, и руки, которые понятия не имели, что с этими топорами делать. Первый замах ушёл в никуда: топор просвистел над головами гоблинов, увлёк хозяина за собой, и Мага, потеряв равновесие, развернулся вокруг своей оси. Второй то-

пор при этом с размаху вонзился в ствол ближайшей берёзы и застрял.

— Э! — возмутился Мага, дёргая рукоять. — Отдай!

Гоблины, сообразив, что великан занят деревом, радостно облепили его со всех сторон. Ржавые тесаки отскакивали от каменной кожи, но дубина с гвоздями, прилетевшая точно по колену, своё дело сделала. Голиаф охнул и рухнул на одно колено.

— Мага! — Ольга выхватила кинжалы и бросилась на помощь.

Она тоже совершенно точно знала, как это должно выглядеть. Тень, бесшумный рывок, удар в спину. Сколько раз она описывала это за игровым столом! «Скрываюсь в тени, захожу со спины, бью в почку». Ольга сосредоточилась, представила себя тенью и... ничего не произошло. Она осталась стоять посреди поляны на виду у всех, высокая, тёмная и очень заметная. Ближайший гoblin удивлённо посмотрел на неё, ухмыльнулся и ткнул тесаком.

Ольга увернулась скорее случайно, чем умело, полоснула кинжалом в ответ и промахнулась. Второй гoblin зашёл сбоку. Лезвие чиркнуло её по плечу, и на тёмной коже выступила кровь.

— Ах ты гадина! — взвыла Ольга, хватаясь за рану.

— Лёля! — пронзительно закричала Олеся.

Стас стоял на месте, сжимал посох и судорожно пытался колдовать. Он вскидывал посох, указывал им на гоблинов,

кричал «Огненный шар!», «Молния!», «Ледяная стрела!». Камень в наверху светился ровно и безмятежно, как ночник. Ни огня, ни молнии, ни даже завалящей искры.

— Да работай же ты! — Стас тряхнул посох, как неисправный фонарик.

Рядом Паштет размахивал своим посохом с черепом и сердито бормотал что-то про «восстань» и «служи мне». Череп клацал челюстью, но тоже без особого толку.

— Олег, сделай что-нибудь! — крикнул Стас.

— Что?! — Олег метался между деревьями, хватал их за стволы и умоляюще шептал: — Помогите, пожалуйста! Ну пожалуйста!

Деревья, судя по всему, придерживались нейтралитета.

А гоблины наседали. Мага, всё ещё на одном колене, отмахивался обоими топорами, первым и вторым, который он наконец выдрал из берёзы. Махал он ими как попало, широко и бестолково, и гоблины легко уворачивались. Ольга, прижимая раненое плечо, пятилась. Олеся плакала, вцепившись в посох. Медленно, шаг за шагом, их оттесняли к реке, и Стас вдруг с ледяной ясностью понял: ещё немного, и их просто перережут. Здесь не было кнопки «Сохраниться». Не было Паштета-Мастера, который скажет: «Ладно, перебросьте кубики». Был ржавый тесак, кровь на плече Ольги и визгливый хохот зелёных тварей.

Шаман позади тоже это понял. Он запрыгал, затряс своей палкой, и зелёный огонёк на ней вытянулся в длинный зме-

ящийся язык пламени. Язык качнулся и ударил.

В Магу.

Голиаф взревел от боли. Зелёное пламя обожгло ему плечо, запахло палёным, и Мага, пытавшийся подняться, снова тяжело осел на землю.

— Нет... — выдохнула Олеся.

Сначала она закрывала лицо руками. Потом увидела, как Мага корчится от ожога, а Ольга зажимает плечо, из которого между пальцами течёт кровь. И что-то в тихой, пугливой Олесе вдруг перещёлкнуло. Она бросилась к сестре, не разбирая дороги, едва не налетела на гоблинский тесак, упала рядом с ней на колени и прижала ладони к ране.

— Не смей, — бормотала она сквозь слёзы, — не смей, слышишь, не смей...

Амулет на её груди вспыхнул. Тёплый золотой свет потёк по рукам, по пальцам, в рану, и Ольга изумлённо охнула. Края пореза на глазах потянулись друг к другу и сомкнулись, оставив лишь розовый след.

— Олеська... — прошептала Ольга. — Ты как это сделала?

— Не знаю! — всхлипнула Олеся. — Я просто очень захотела!

«Очень захотела», — эхом отозвалось в голове Стаса. Он посмотрел на свой бесполезный посох. Он кричал названия заклинаний из книги правил. А книги правил здесь, похоже, не читали.

Шаман уже снова поднимал палку. Зелёное пламя разгоралось, и на этот раз оно качнулось в сторону Олеси, склонившейся над сестрой.

Стас не думал. Он просто очень, очень не хотел, чтобы этот огонь до неё долетел. Не хотел так, как никогда в жизни ничего не хотел.

Что-то шевельнулось в груди. Холодное, тёмное и очень голодное. Камень в наверху посоха вспыхнул, и тень Стаса, падавшая на траву от вечернего солнца, вдруг дёрнулась, вытянулась и неуклюже, рывками, как щенок на первой прогулке, поползла по земле к шаману. Она обвилась вокруг его ног.

Зелёное пламя, уже сорвавшееся с палки, на полпути дрогнуло, развернулось и, словно бродячий пёс на свист, метнулось к Стасу. Ударило в камень на посохе и впиталось в него без остатка.

И Стасу стало хорошо. Так хорошо не было даже после третьей рюмки настойки деда Семёна. По жилам растеклось тепло, голова прояснилась, а в ней будто зажглась маленькая зелёная лампочка. Он чувствовал, что эту силу можно взять и швырнуть обратно.

Он швырнул. Не очень метко: огонь улетел в куст в метре от шамана, и куст весело запылал. Шаман взвизгнул, отскочил и уставился на свою опустевшую палку с выражением глубочайшей обиды.

— Ага! — заорал Стас. — Ребята, оно работает не по

книжке! Оно работает, когда очень надо!

Мага, сидевший на земле с обожжённым плечом, медленно поднял голову. Он посмотрел на Ольгу, на свежий розовый шрам у неё на плече. На гоблина, который этот шрам оставил и который теперь подкрадывался к Ольге снова. И в глазах голиафа что-то изменилось. Исчезли веселье и удивление. Осталось что-то тяжёлое, горячее и красное. Как лава, которая долго копилась под горой и наконец нашла выход.

— Ты, — тихо сказал Мага гоблину. — Ты её ударил.

Он встал. Колено больше не болело, ожог на плече не болел, вообще ничего не болело. Был только этот гoblin. Один топор Мага, не глядя, сунул за пояс, а второй в руке вдруг стал лёгким, как пруттик. Руки сами вспомнили то, чего никогда не знали.

Гoblin обернулся на голос и успел только раскрыть пасть. Топор опустился сверху, наискось, и вошёл ему в плечо у самой шеи. Он не остановился ни на ключице, ни на рёбрах. Он прошёл тщедушное тельце почти до пояса, с мокрым хрустом, как проходит колун сквозь сырое полено. Goblin развалился на две неровные половины, и Магу с головы до ног окатило горячей тёмной кровью.

Голиаф даже не моргнул.

Следующий кинулся на него сбоку, заноса ржавый тесак. Мага поймал его за руку свободной ладонью, как ловят брошенный мячик, и просто сжал. Хрустнуло. Тонкие кости предплечья сломались, словно сухие ветки, и из разорванной

кожи выглянул белый обломок. Гоблин завизжал так, что у Стаса заложило уши. Визг оборвался, когда Мага, не выпуская сломанной руки, крутанул его и с размаху приложил головой о ствол берёзы. Череп лопнул, как перезрелая тыква. Мага отбросил обмякшее тело в сторону.

Третий гоблин, с вилами, оказался то ли храбрее, то ли глупее остальных. Он с разбегу ткнул голиафа в живот. Зубья вил согнулись о каменную кожу. Гоблин посмотрел на них, потом наверх, на Магу. Мага смотрел на него.

— Ну? — спросил голиаф.

Удар топора пришёлся сбоку, на уровне колен. Обе ноги гоблина отлетели в траву, сам он рухнул обрубком и задёргался, загребая землю руками и оставляя за собой широкую кровавую полосу. Мага шагнул следом и опустил на него тяжёлый сапог. Под сапогом хрустнули рёбра. Гоблин перестал дёргаться.

Четвёртый и пятый попытались навалиться разом. Мага встретил их широким горизонтальным взмахом топора. Одному снесло пол черепа вместе с огромным ухом. Кусок головы отлетел в кусты, а тело ещё два шага пробежало по инерции, прежде чем ткнуться носом в траву. Второму лезвие вспорол живот, и он упал, тщетно пытаясь удержать руками вываливающиеся внутренности.

Шестой, увидев это, бросил дубину и кинулся бежать. Мага, не раздумывая, выдернул из-за пояса второй топор и метнул ему вслед. Топор, кувиркаясь, пролетел шагов десять и

вошёл гоблина между лопаток с таким звуком, будто кто-то расколол полено. Гоблин рухнул лицом в траву и больше не встал.

— Это нечестно! — ревел Мага, и кровь капала с его бровей, с подбородка, с топора. В голосе звучала уже не ярость, а почти обида. — Они слабые! Я хочу нормальную суету!

Ольга тем временем смотрела на свои руки и о чём-то сосредоточенно думала. «Когда очень надо», — повторяла она про себя. Ей очень надо было стать невидимой. Прямо сейчас. Иначе тот гоблин, что подбирается слева, всадит ей тесак под рёбра.

Тень от старой ивы потекла к ней, как вода, и укрыла с головой. Гоблин, только что видевший перед собой высокую тёмную эльфийку, растерянно остановился и заморгал. Перед ним никого не было.

Через мгновение он вздрогнул и выгнулся дугой. Один кинжал вошёл ему под лопатку, по самую рукоять. Второй, с короткого разворота, чиркнул поперёк горла. Кровь ударила фонтаном, гоблин булькнул, схватился за шею и осел на колени. Из-за его спины выросла тёмная фигура. Ольга брезгливо стряхнула с лезвий красные капли.

— Сзади надо смотреть, уродец, — мрачно сказала она. И, кажется, сама удивилась, что у неё получилось. Так удивилась, что даже не почувствовала дурноты от вида крови. Дурнота придёт позже.

— Оля! — восхищённо взревел Мага, весь в крови от ма-

кушки до сапог, поднимая топор, как кубок. — Ты видела, как я его? Видела?!

— Не мешай работать, шкаф!

И снова исчезла.

Шаман всё ещё стоял у горящего куста и тряс свою опустевшую палку, будто надеялся, что огонь в ней появится снова. Огонёк и правда начал понемногу разгораться: зелёная искра на конце палки набухала, росла. Шаман, оскалившись, повернулся к Стасу.

Он не успел. Тень от горящего куста дрогнула, и из неё шагнула Ольга. Кинжал вошёл шаману в затылок, точно под край облезлой шапки из перьев, и вышел изо рта вместе с жёлтыми клыками. Шаман дёрнулся, выронил палку и обмяк. Зелёная искра на палке мигнула и погасла.

Ольга выдернула кинжал. Шаман упал к её ногам, как куча тряпья.

Последние двое гоблинов, оценив обстановку, развернулись и бросились наутёк. Один налетел прямо на Олега. Эльф отшатнулся, споткнулся, упал спиной на корни ивы и в отчаянии ударил по ним ладонью:

— Ну хоть вы помогите!

Корни вздрогнули, будто проснувшись. С хрустом вырвались из земли, переплелись и захлестнули беглеца по самую шею, оставив снаружи только огромные уши.

— Ой! — растерялся Олег. — Спасибо! То есть... простите! Я не хотел так сильно!

Второй гоблин почти скрылся в кустах, когда Олег вскочил и бросился следом. Ноги у эльфа были длинные, быстрые, но сам Олег за всю жизнь бегал разве что за уходящим автобусом. Он цеплялся одеждой за ветки, спотыкался о корни, а мелкий юркий гоблин нырял под кусты, как заяц, и с каждой секундой уходил всё дальше. «Не догоню, — с отчаянием понял Олег. — Вот бы мне сейчас...» — успел подумать он, и тут его тело решило за него.

Он вырос. Растянулся, раздался в плечах, оброс бурым мехом, и спустя секунду на поляне стояло существо, которое Стас знал по картинкам в книге правил: медвежье тело, совиная голова, огромные круглые глаза и клюв, способный перекусить бревно. Медвесыч. Существо испуганно ухнуло, потом издало звук, средний между рыком и уханьем, и одним прыжком накрыло последнего гоблина.

А потом удивлённо огляделось, заморгало огромными совиными глазами и превратилось обратно в Олега, сидящего на гоблине верхом.

— Вы это видели?! — заорал он. — Я был совой! То есть медведем! То есть... Ребята, это же лучший день в моей жизни!

— Олег, — устало сказал Паштет, — слезь с него. Ты его раздавишь.

— Ой. Простите, пожалуйста, — Олег поспешно слез с придавленного гоблина.

Тот лежал без движения. Паштет подошёл, поковырял его

концом посоха, присел и брезгливо пощупал шею.

— Готов, — констатировал он. — Ты его, Полароид, своей тушей задавил. Эко-друид-убийца.

Олег побледнел и заморгал так часто, что стал похож на неисправную мигалку.

— Я... я не хотел...

— Ладно, не реви, — неожиданно мягко сказал Паштет. — Это же гоблин. Они бы нас сами на шашлык пустили. Без маринада.

Он огляделся. Все вокруг что-то сделали. Олеся вылечила, Мага изрубил, Ольга исчезала, Олег превращался, даже Кучерявый своим посохом куст поджёг. Один он, Паштет, за весь бой не сделал ничего, только размахивал палкой и бормотал. Эта мысль его отчего-то очень разозлила.

— Значит, когда очень надо, — процедил он, глядя на мёртвого гоблина. — Ну ладно. Мне, знаешь ли, тоже очень надо. Мне надо, чтобы хоть кто-то в этой компании меня слушался.

Он поднял посох. Череп на навершии клацнул челюстью, и Стас готов был поклясться, что это прозвучало радостно. Паштет ткнул посохом в гоблина и рявкнул голосом, каким обычно разговаривал с продавцами, пытающимися его обчитать:

— А ну вставай! Разлёгся тут!

Тёмная дымка поползла с черепа к земле. Мёртвый гоблин дёрнулся. Потом ещё раз. Потом неловко, рывками сел,

повернул к Паштету пустые глаза и замер в ожидании.

— Фу, — сказала Ольга.

— Уважаю, брат, — серьёзно сказал Мага.

— Ой, — сказала Олеся и потеряла сознание.

Стас успел её поймать. Держа на руках лёгкое тело, он мысленно отметил, что ради такого готов был бы смотреть на поднятых гоблинов хоть каждый день.

— Ну и что мне теперь с ним делать? — растерянно спросил Паштет, глядя на своё творение.

— Пусть несёт вещи, — тут же нашёлся Стас. — У нас, кажется, есть носильщик.

* * *

Олеся очнулась быстро. Села, посмотрела на поляну, на тела, на кровь на траве, на мёртвого гоблина, послушно стоящего рядом с Паштетом, и снова побледнела. Но в обморок больше не упала.

— Я в порядке, — сказала она. — Я в порядке. Просто... просто не смотрите на меня, ладно?

Никто не смотрел. Все смотрели на поляну.

Только теперь, когда кровь перестала стучать в висках, стало видно, что они натворили. Девять мёртвых гоблинов лежали в траве. Кто разрубленный пополам, кто без ног, кто без головы. Над телами уже кружились мухи. Пахло кровью, палёным и чем-то кислым, тошнотворным.

Мага стоял посреди этого и смотрел на свои руки. Руки были в крови по локоть. Топор тоже. Он смотрел на них дол-

го, и лицо у него было растерянное, как у ребёнка, который разбил вазу и только сейчас понял, что она была дорогая.

— Ахи, — тихо сказал он Стасу. — Я их... я их всех?

— Не всех, — сказал Стас. — Лёлик двоих. Полароид одного. Корни ещё одного держат.

Мага повернулся к корням. Гоблин, опутанный ими по самую шею, висел у ствола ивы, тихонько поскуливая. Огромные уши его дрожали.

— Этого не трогайте, — вдруг сказал Мага. — Он сдался. Сдавшихся не бьют. Это не по-мужски. Отец так говорил.

— Мага, — сказала Ольга, — это гоблин. Он нас пять минут назад резать собирался.

— Знаю, Оля. Но сейчас он не режет. Сейчас он висит и плачет. — Мага подошёл к гоблину и присел перед ним на корточки. Гоблин заскулил громче. — Слушай сюда, дяхан. Ты меня понимаешь?

Гоблин мелко закивал.

— Вот. Я тебя отпускаю. Ты бежишь и всем своим говоришь: сюда не ходить. Тут ходит Мага. Понял?

Гоблин закивал ещё мельче.

— Олег, брат,пусти его.

Олег погладил корни, что-то шепнул, и они нехотя разжались. Гоблин шлёпнулся на землю, на четвереньках отбежал шагов на десять, потом вскочил и понёсся в лес так, что только уши мелькали.

— Зря, — сказал Паштет. — Приведёт своих.

— Не приведёт, — уверенно сказал Мага. — Я ему в глаза смотрел. Он понял.

— Ты ему в глаза смотрел, весь в крови его родственников, — заметил Паштет. — Он, конечно, понял. Он понял, что надо бежать без оглядки до самого моря.

— Вот и хорошо, — сказал Мага.

* * *

Деревня нашлась через час. Перед этим пришлось сделать остановку у реки, чтобы Мага отмыл с себя кровь: в таком виде, по общему мнению, их бы не пустили даже в преисподнюю. Голиаф залез в воду по пояс и долго тёр себя песком, фыркая, как тюлень, и рассказывая Олегу, который сидел на берегу:

— Я тебе говорю, ахи, их там человек двадцать было. Двадцать! Они со всех сторон лезли! А я их, понял, вот так, и вот так, и вот так!

— Их было десять, — сказал Олег. — Я считал.

— Двадцать, брат. Ты не видел, ты за деревом стоял.

— Я не за деревом стоял. Я с деревом разговаривал.

— Вот! Значит, не видел!

Ольга, сидевшая чуть поодаль, вдруг засмеялась. Тихо, впервые за этот день. Мага обернулся на её смех, увидел, что она смеётся, и расплылся в улыбке, такой счастливой, будто его только что наградили медалью.

Солнце садилось, когда они вышли из леса.

Деревня стояла на холме у реки. Она была меньше их по-

сёлка, без магазина «Продукты 24», зато с частоколом, сторожевой вышкой и мрачным стражником у ворот. Из-за частокола поднимались дымки, пахло печным дымом, хлебом и навозом, и от этого простого, домашнего запаха у Стаса вдруг защипало в глазах.

Мёртвого гоблина-носильщика по настоянию Ольги пришлось оставить в кустах у дороги. («Если нас из-за него на костре сожгут, я тебя, Паштет, лично туда первым закину».) Паштет долго спорил, говорил, что это его гoblin, его первый, что он к нему привык. Но Ольга была непреклонна. Гоблина посадили под ёлкой, и Паштет на прощание велел ему сидеть тихо и ждать. Гоблин сел и стал ждать.

— Он теперь до конца света будет там сидеть, — мрачно сказал Паштет, оглядываясь.

— Пусть сидит, — сказала Ольга. — Свежий воздух. Ему полезно.

Стражник у ворот с большим сомнением оглядел подошедшую компанию: огромного серого голиафа с подпалиной на плече, тёмную эльфийку, светлого эльфа с листьями в волосах, мага в мантии с ползающими знаками, девушку в светящемся белом и мрачного типа в чёрном плаще с черепом на посохе.

Стражник был немолодой, усатый, в стёганой куртке и с копьём, которое держал так, будто и сам не очень верил, что им можно кого-то остановить.

— Вы кто такие будете? — осторожно поинтересовался

он.

Язык был чужой. Стас понял это не сразу. Слова звучали странно, не по-русски, гортанно и певуче одновременно. Но он их понимал. Понимал так же легко, как родную речь, будто знал этот язык с детства. И когда открыл рот, чтобы ответить, из него сами полились те же самые чужие, певучие слова.

«Ещё одна странность, — отметил он про себя. — Добавим в список».

— Путешественники, — широко улыбнулся Стас. — Странствующие... музыканты.

Стражник перевёл взгляд на два топора за спиной Маги.

— Ударные, — пояснил Стас.

Стражник ещё раз посмотрел на Магу. На его подпалённое плечо. На мокрые после реки, но всё ещё розоватые от крови штаны.

— Дяхан, — дружелюбно сказал Мага, — не переживай, да. Мы хорошие. Мы гоблинов побили там, в лесу. Девять штук. Ну, может, пятнадцать.

Стражник побледнел.

— Гоблинов? Банда Кривоухого? Которые на прошлой неделе у Хромого Йорга корову увели?

— Не знаю, как их звали, дяхан, — честно сказал Мага. — Мы не знакомились.

Как ни странно, их пустили. Решающим аргументом стало то, что Мага, роясь в своей поясной сумке, обнаружил там

горсть золотых монет и отсыпал стражнику одну «за беспокойство». У стражника отвисла челюсть, и больше вопросов он не задавал.

Монеты нашлись у всех. Не горы золота, конечно: персонажи у них в игре мёрли так часто, что разбогатеть ни один не успевал. Но у каждого в поясной сумке лежал увесистый кошелёк, как тот стартовый, с которым в игре начинает каждый новый герой. Горсть золотых, пригоршня серебра, медяки. На первое время хватит с запасом. Паштет, пересчитав своё, впервые за день почти улыбнулся. Почти.

* * *

Таверна называлась «Хромой кабан» и, судя по виду, хромала вместе со своим символом. Но в ней было тепло, пахло жареным мясом и пивом, а хозяин, толстый лысый мужик (Стас сразу проникся к нему симпатией), при виде золота стал исключительно любезен и выделил им лучшую комнату. Правда, лучшая комната оказалась единственной свободной, с двумя кроватями и широкой лавкой, но спорить никто не стал.

Когда они вошли в общий зал, разговоры за столами стихли. Человек пятнадцать крестьян, все в серых и бурых рубахах, с кружками в руках, медленно повернулись и уставились на вошедших. На голиафа, который пригнулся в дверях. На тёмную эльфийку, на светлого эльфа. На некроманта.

На некроманте взгляды задержались дольше всего. Кто-то из крестьян сделал странный знак: два пальца ко лбу, потом

к сердцу.

— Ахи, — шёпотом сказал Мага Паштету, — они тебя боятся.

— Правильно делают, — так же шёпотом ответил Паштет. Но Стас заметил, что плащ свой он запахнул поплотнее, а посох с черепом прижал к себе так, чтобы череп было не видно.

Хозяин принёс еду. Тушёную говядину с какими-то печёными клубнями, похожими на картошку, только сладковатыми, ржаной хлеб, крынку густой сметаны и кувшин пива.

Мага попробовал мясо. Прожевал. Задумался.

— Ну? — спросила Ольга.

— Не хенкал, — сказал Мага. — Но пойдёт. Похавать можно. Олег, брат, ешь да! Ты весь день одни ягоды жевал. Синий весь!

— Это ты синий, — сказал Олег. — У тебя до сих пор рот синий.

Ели долго и жадно. Стас не помнил, когда в последний раз был так голоден. Даже после смены, когда бывало по двенадцать часов не отходил от подъёмника. Говядина была жёсткая, клубни подгорели, пиво кислило. Но вкуснее этого ужина, решил Стас, в его жизни не было ничего. Ну, кроме хенкала.

* * *

После ужина поднялись в комнату, подальше от любопытных глаз.

— Итак, — Стас обвёл всех взглядом. — Открываю экстренное заседание клуба любителей настольных игр. Подивой мы решили, что сначала надо найти людей. Людей нашли. Теперь вопрос посложнее: что дальше?

— Дальше ты объяснишь, почему нас чуть не зарезали десять зелёных карликов, — немедленно сказал Паштет. — В игре мы бы их на раз разметали.

— Потому что тут нет кубиков, — задумчиво ответил Стас. — Тут всё работает не по правилам, а по... желанию, что ли. Олесь, ты Лёлика вылечила, когда испугалась за неё. Мага рассвирепел, когда её ранили. У меня тень поползла, когда огонь полетел в Олесю.

— А у меня, когда меня все бесить начали, — мрачно добавил Паштет.

— То есть просто «очень захотеть» мало, — сказала Ольга. — Надо, чтобы прижало.

— Пока да, — кивнул Олег. — Но это как с велосипедом. Сначала падаешь, а потом тело запоминает. Мне кажется, мы научимся.

— Хорошо бы до того, как нас в следующий раз зарежут, — буркнул Паштет.

— И язык, — сказал Стас. — Вы заметили? Мы говорим на их языке. И понимаем их. Я с этим стражником говорил и только потом понял, что это не русский.

Все замолчали. Похоже, никто, кроме Стаса, этого не заметил.

— Ого, — сказал Олег и заморгал. — А ведь правда. Я и не обратил внимания. Хозяин говорил... «говядина», «клубни»... а на самом деле это были совсем другие слова. Как будто у нас в голове переводчик.

— Как в игре, — сказал Паштет. — Общий язык. Все персонажи знают его по умолчанию.

— Ну хоть что-то по правилам, — проворчала Ольга. — Ладно, драться научимся, говорить, оказывается, уже умеем. А домой-то как?

— Конечно, можно домой! — воскликнул Мага, хлопнув по столу так, что подпрыгнули кружки. — Если сюда закинули, значит, и обратно можно, слово даю! Ты, Кучерявый, просто скажешь заклинание наоборот!

Стас с сомнением посмотрел на посох. Камень в наверху мирно светился, и никакого «зова» от него больше не исходило. Только сытое, довольное тепло.

— Не уверен, что «наоборот» сработает, — медленно сказал он. — Ты видел, как у меня колдовать получается. Я в гоблинского шамана целился, а попал в куст. Попаду «наоборот» не туда, и окажемся где-нибудь на дне моря.

— Или в налоговой, — мрачно добавил Паштет.

— А мне здесь... — тихо начала Олеся и тут же покраснела. — Нет, ничего.

— Говори, Олесь, — мягко сказал Стас.

— Мне здесь страшно, но... — Она посмотрела на свой амулет, тёплый и золотой. — Когда я лечила Лёлю, у меня

просто... получилось. Я никогда раньше ничего не умела по-настоящему. А тут умею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.